

Реформулировки в тексте комментария к российскому законодательству в сфере интеллектуальной собственности

✂ LIANA GOLETIANI • liana.goletiani@unimi.it

Статья изучает лингвистические акты реформулирования положений нормативного текста в тексте его комментария с точки зрения понимания законодательного текста неюристами. Автор анализирует текст четвертой части Гражданского Кодекса РФ, посвященной интеллектуальной собственности и текст *Методических рекомендаций по применению положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации*, изданных Торгово-Промышленной Палатой Российской Федерации и направленных на повышение уровня юридической подготовленности у предпринимателей в сфере интеллектуальной собственности. Показано, что в данном жанре юридического метатекста при интерпретации замысла законодателя используются такие виды реформулировок как экзemplификация, переименование, перечисление, синтаксическое упрощение и распространение, уточнение.

КОММЕНТАРИЙ К ЗАКОНУ,
РЕФОРМУЛИРОВОЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ
АКТЫ, ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

The paper studies the linguistic value of reformulation of language in the commentaries accompanying legal texts, to make them comprehensible to non-lawyers. The author has analysed the text of Chapter Four of the Civil Code of the Russian Federation, which covers Intellectual Property Rights, and the text of *Methodical Guidelines*, regarding their implementation, published by the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation which is aimed at improving the level of legal competence of businesspeople. The author shows that in this type of legal metatext, when interpreting the intention of the legislator the most common reformulation methods are exemplification, renaming, syntactic simplification and rearrangement, enumeration and precision.

LEGAL COMMENTARY, REFORMULATING
OF LANGUAGE, RUSSIAN
INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания юридической лингвистики в последнее время все чаще оказываются многочисленные аспекты языка права и юридических текстов в перспективе их интерпретации (Bhatia, Engberg, Gotti и Heller; Endicott; Wagner и Cacciaguidi-Fahy; Голев; Ромашов). Для России такая переориентация в парадигме исследований связана, в том числе, с политико-экономическими изменениями. Вступив два десятилетия назад на путь радикальных общественных перемен, государство и сегодня переживает ряд трансформаций во многих областях, включая область права. Важнейшие реформы в правоохранительной области, а также заявленная властью борьба с коррупцией и правовым нигилизмом, невозможные без участия широких слоев общества, ставят определенные задачи и перед юрислингвистами. Одна из важнейших – описание условий успешности правовой коммуникации, разработка методов составления законодательных текстов, которые, с одной стороны, должны быть доступны для рядового гражданина, а с другой стороны – эффективны для судопроизводства (Доценко; Царев; Крюкова). На практике эти два требования не всегда могут быть удовлетворены в равной степени, что дает основания юристам выступать против чрезмерного увлечения идеей Plain Language и даже заявлять о

необоснованности высказываемого требования «применения в практике законодательного конструирования терминов, понятных каждому индивидууму». Это требование предполагает широкое использование в законодательной деятельности обиходных слов, ставших юридическими терминами. Однако совпадение

термина с общенародным словом лишь усугубляет трудности практического понимания рядовыми носителями языка юридических текстов, так как оно может создавать лишь иллюзию понятности (Ромашов 55).

Если непосредственная и полная доступность законодательства принципиально невозможна, то встает вопрос о том, в каких других формах может быть достигнута правовая коммуникация в обществе. Нет сомнения, что здесь важнейшую роль играет развитие жанра правового комментария. Удачные конвенциональные способы изложения и разъяснения текста закона в комментарии, или техники комментирования, во многом определяют успех правоприменительной практики. Изучение этих техник и их совершенствование входит в круг интересов юридической лингвистики. Предлагаемое исследование рассматривает эту проблему на примере нормативного и комментирующего текста из области прав интеллектуальной собственности, молодой для российского законодательства отрасли гражданского права.

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЯСНОСТИ НОРМАТИВНОГО ЯЗЫКА

Многолетний процесс кодификации нового гражданского законодательства Российской Федерации завершился 1 января 2008, когда вступила в силу четвертая часть Гражданского Кодекса Российской Федерации, регулирующая правоотношения в сфере интеллектуальной собственности. Принятие этого нормативного акта играет важнейшую роль в борьбе против разных видов пи-

ратства и плагиата, а также для регулирования участия России в международной торговой деятельности, так как Россия активно готовится присоединиться к Соглашению по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), и соотнесение норм Гражданского кодекса РФ с положениями данного Соглашения необходимо для вступления РФ во всемирную торговую организацию (ВТО).

Если вспомнить, что первый в России общий закон о привилегиях на изобретения (Высочайший манифест) был издан в 1812 г. (Пиленко 145), то можно считать, что языковое оформление правовой мысли в области промышленной собственности имеет двухсотлетнюю историю развития. Несмотря на это мы имеем дело с одной из самых сложных и неустоявшихся, в том числе с лингвистической точки зрения, ветвей права.

В формировании нормативного языка (понятийного аппарата и терминологии) этой сферы права негативно проявляются, по меньшей мере, два внешнелингвистических обстоятельства. Во-первых, речь идет о сфере экономических и правовых отношений, которая крайне чувствительна к бурному научно-техническому развитию:

una norma sui diritti d'autore che al momento della sua introduzione risultava adeguata ed evidentemene applicabile in relazione a certi tipi di opere d'ingegno e certe forme di diffusione può divenire inadeguata e scarsamente pertinente in seguito all'introduzione di nuove tecnologie, dando così origine ad una zona 'grigia' in cui si collocano casi dubbi relativamente alla sua possibile applicazione (Garzone 64).

Во-вторых, по сравнению со странами зрелой рыночной экономики, послереформенная Россия имеет недостаточно длительный опыт в регулировании отношений в области интеллектуальной собственности, что проявляется, в том числе, в отсутствии единства взглядов на определение многих понятий, выражающих экономические и правовые объекты и отношения этой сферы. Известно, что к началу нового тысячелетия многие ключевые хозяйственно-правовые понятия русского законодательного языка не имели четких определений. Ускоренное создание этой терминологии имеет свои издержки. Так, в области авторского права, регулируемого новым законодательством, ситуация развивается настолько быстро и противоречиво, что уже через два года после его принятия зашла речь о целом ряде поправок. Многие из них вызвали протест представителей литературного сообщества, писателей и публицистов, озабоченных проблемой неопределенности формулировок в авторском праве, что не может не сказаться негативно в будущей правоприменительной практике. Движимые беспокойством за права на результаты своей интеллектуальной деятельности, они обратились с открытым письмом к Президенту РФ. Интересно, что в своей критике предлагаемой нормы, деятели российского искусства исходят из семантических критериев:

Мы обращаемся к Вам с просьбой остановить процесс легализации книжного пиратства, который сейчас происходит под благими лозунгами пополнения библиотечных фондов страны оцифрованными книгами.

В настоящее время форсируется принятие поправок в четвертую часть Гражданского кодекса Российской Федерации. Их планируется одобрить до конца 2010 года в Совете по кодификации законодательства при президенте РФ. По нашему убеждению, некоторые из поправок, в целом прогрессивных для развития авторского права в России, своей неточностью и размытостью формулировок дают лазейки пиратам, перечеркивают само понятие рынка электронной книги и открывают практически неограниченный простор для пиратства. В то же время эти поправки противоречат смыслу и духу международных соглашений по интеллектуальной собственности, взятых на себя Российской Федерацией в преддверии, надеемся, скорого вступления в ВТО.

Под видом «снятия административных барьеров на пути инновационного развития экономики» предлагается ввести в законодательство совершенно размытые новшества, открытые для каких угодно трактовок. Такие как «свободная лицензия», «свободное использование произведений библиотеками, архивами и образовательными организациями» или «межбиблиотечный обмен». (Литвина, курсив мой - ЛГ).

Сложившееся положение вещей в данной сфере эксперты объясняют следующим образом: “Право интеллектуальной собственности – сравнительно ‘молодая’ область юриспруденции: терминология сложная, проблемы запутанные, законодательство развивающееся” (Близнец и Леонтьев 2). Нетрудно предвидеть, что количество вопросов к новому нормативному акту у неспециалистов будет безгранично. Предвосхищая их, в том же 2008 году Торгово-Промышленная Палата Российской Федерации опубликовала *Методические рекомендации по применению положений части четвертой*

Гражданского кодекса Российской Федерации (Исаков). Авторский коллектив, состоящий из ученых-правоведов, ставил перед собой цель “оказания методической и практической помощи предпринимателям при защите своих прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности” (Исаков 3). В данной работе “не только дается оценка законодательства, действующего в сфере интеллектуальной собственности, но и содержатся конкретные практические рекомендации по вопросам применения положений части четвертой ГК Российской Федерации” (ibidem). Тем самым оказываются четко очерчены предполагаемый адресат, коммуникативные цели текста, а также коммуникативная рамка, в которой данный текст востребован, что и позволяет рассматривать как комментарий к закону.

ЖАНР КОММЕНТАРИЯ К ЗАКОНУ В ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

По мере изменения и спецификации российского законодательства растет число публикаций, относящихся к данному жанру юридической литературы. В последние годы появилось и несколько комментариев к Гражданскому Кодексу. Корни этого жанра юридической литературы следует искать уже в начале 19 века в период распространения Code Civil, когда в системе континентального права утверждается экзегетическая практика, и в разных европейских странах одновременно развиваются различные школы комментирования гражданского законодательства (Ferrante). В юридической лингвистике эти тексты получили название текстов-фильтров, их функции, типология и структура интенсивно изучаются в последний период (Busse, Sayatz). Организация линг-

вистических средств текста практического комментария направлена на преодоление трудностей интерпретации, связанных с категориями ясности и доступности, поэтому, наиболее интересные результаты исследования возможно достичь там, где методы лингвистики текста сочетаются с семантическим анализом. При изучении текста правового комментария необходимо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, важно учитывать, что жанр правового комментария является крайне неоднородным. Среди разновидностей комментария в России последних лет особенно часто публикуются научно-практический, учебно-практический, постатейный, аналитический и др. виды комментариев. Другими словами, мы имеем дело с совокупностью поджанров, различаемых по цели и адресату. Так, от постатейного комментария, адресованного юристам, работникам суда и органов предварительного расследования и толкующего волю законодателя для целей судебного разбирательства, отличается комментарий-справочник, направленный более широким кругам населения и преследующий, в том числе, просветительские цели. Соответственно, процессы текстопорождения различаются в них коренным образом. Во-вторых, целесообразно соотнесение видов толкования с субъектом интерпретации. Здесь «выделяются разные виды толкования права: официальное и неофициальное, доктринальное, компетентное и обыденное» (Ширинкина 64). В нашем случае речь идет о компетентном толковании текстов закона именно с целью его практического использования неюристами. Такой комментарий ориентируется на иной горизонт восприятия, более низкий уровень подготовленности к пониманию законодательного текста. Главное назначение этого комментария – перевести волю законодателя с языка специального – нормативного – на язык общеупотребитель-

тельный. В правовой коммуникации 'Законодатель – Гражданин' такие комментарии выполняют функцию текстов-посредников. Можно сказать, что автор комментария 'отфильтровывает' в тексте законодателя то, что могло бы привести к непониманию закона гражданином. Схема правовой коммуникации удлинится на одно звено: 'Законодатель – Автор комментария к закону – Гражданин'.

В современной российской ситуации социальная потребность в таких 'фильтрующих' текстах возрастает, они играют важную роль в преодолении правового нигилизма. Для лингвистики текста, теории понимания и прикладной лингвистики данный жанр специальной литературы представляет интерес с разных точек зрения. Одна из важнейших – изучение разнообразных интертекстуальных связей, возникающих между нормативным текстом и текстом комментария. Текст комментария вторичен, он не существует без текста закона, но текст закона для большинства граждан становится более доступным именно благодаря тексту комментария.

К неотъемлемым составляющим содержания правового комментария в специальной литературе относят, прежде всего, следующие единицы текста: буквальные цитаты из закона, реформулировки правового регулирования; ориентирующие на применение примеры; оценку с точки зрения судопроизводства; указание на граничащие правовые определения (ср. Sayatz 296-297).

Если такие конститутивные признаки текста комментария как его содержательные компоненты и коммуникативные функции можно считать более или менее установленными, то о том, какими техниками пользуется этот жанр, и различаются ли они в зависимости от разновидности комментария, еще нет полного

представления. Сами правила реформулирования нормативного языка в тексте комментария к закону еще не разработаны.

РЕФОРМУЛИРОВКИ В ТЕКСТЕ МЕТОДИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ

Итак, материалом исследования реформулировочных структур правового комментария послужили два текста. Во-первых, нормативный текст – текст части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК), во-вторых, комментирующий текст, т.е. текст *Методических рекомендаций* (далее: МР). В основные задачи сравнительного анализа двух текстов входило:

- выделить корелирующие линейные отрезки ГК и МР, находящиеся в отношениях «Реформулируемое – Реформулирующее»,
- определить характер семантической связи между ними,
- выявить лингвистические средства реформулирования и интерпретации текста закона для неюристов, а также продуктивные индикаторы этих механизмов.

ТЕКСТ КОММЕНТАРИЯ В ПЕРСПЕКТИВКЕ ТЕОРИИ РЕФОРМУЛИРОВАНИЯ

Прежде чем приступить к непосредственному анализу МР, необходимо подчеркнуть что в них толкуется как пропозициональное, так и интенциональное содержание формулировок ГК. На необходимость различения этих двух аспектов совершенно справедливо указывает Голев:

Применительно к содержанию объекта – это вопрос о том, что подвергается уяснению (и далее толкованию) – либо объективное

содержание текста, которое вытекает из него в соответствии с нормами и правилами того языка, на котором они прописаны в законе, либо интенционально-субъективное содержание – то есть, то, что хотел сказать законодатель (22).

Реформулировка пропозиционального содержания нормы невозможна без понимания автором комментария интенции законодателя, что и отличает его от адресата-неюриста.

Для проведения анализа нами выделяется минимальная комментирующая единица (далее – МКЕ). За нее принимается текстовый фрагмент МР, референтом которого является содержание какой-либо единицы текста ГК (как правило – статьи или какого-то ее пункта, иногда – целой главы или раздела). В цели нашего исследования входит как установление типичных компонентов содержания МКЕ, так и описание конвенциональных способов их оформления.

Анализ выделяемых корелирующих линейных отрезков основывается на методах, предлагаемых в теории реформулирования (Gulich и Kotschi ; Кобозева и Лауфер; Freidhof; Grimm; Blakemore; Hyland; Franzreb). Исследования реформулирующих высказываний в разных дискурсах на материале нескольких языков выявили основные структурные, функциональные и семантические признаки этого лингвистического феномена. Во многих работах указывается на принципиальную полифункциональность реформулировок. Структурная основа самой реформулировки, как правило, трехкомпонентна. В нее входят два обязательных компонента – реформулируемый и реформулирующий и один факультативный – индикатор реформулировки (его роль могут выполнять различные по статусу единицы: вводные слова, со-

язы, экспоненты деонтической модальности). Из имеющихся в распоряжении исследований наиболее близким к нашему являются работы, посвященные реформулировкам в жанрах научного дискурса (Grimm; Hyland) и в массмедиаальных жанрах экономического дискурса (Franzreb). Для определения функционального значения реформулировки необходим, прежде всего, семантический анализ обоих обязательных элементов (Grimm 290), но во многих случаях также и анализ индикаторов реформулировки (Freidhof; Blakemore). Семантическое отношение между реформулируемым и реформулирующим, как в интенциональном, так и в экстенциональном плане, может быть экспансивным, редуктивным и вариативным (см., прежде всего, Gülich и Kotschi). Набор возможных функций реформулировок, семантических типов отношений между реформулируемым и реформулирующим, а также их индикаторов зависит от жанра коммуникации. Это позволяет предположить, что в нашем случае по сравнению с указанными работами будет выявлены в качестве продуктивных иные типы функционально-семантических отношений.

Наконец, сравнительный анализ МР и ГК не может не учитывать одно важное различие между текстом закона и текстом его комментария. Оно состоит в том, что «Gesetzeskommentierungen auf deontische Sachverhalte als Fakten in einer Welt W referieren, die in Gesetzen erst per Deklaration geschaffen wurden» (Sayatz 282). Сложная система соотношений между типом нормы и видом деонтической модальности в русскоязычном праве интеллектуальной собственности уже исследовалась в Мечковская на материале предыдущего законодательства РФ и законодательства Беларуси. Языковое (пере)выражение деонтической модальности в тексте комментария также является его конститутивным признаком.

ХАРАКТЕРИСТИКИ МИНИМАЛЬНОЙ КОММЕНТИРУЮЩЕЙ ЕДИНИЦЫ

Первый общий результат исследования состоит в следующем: МКЕ может относиться как к любому коммуникативно значимому аспекту текста закона, так и – через призму текста – к любому аспекту существующей в данной отрасли права ситуации, т.е., к тому положению вещей, которое закон призван регламентировать. МКЕ может относиться и к вновь создаваемому законом положению вещей, предвосхищая последствия, которые может вызвать комментируемая норма в юридической практике. На уровне текста может комментироваться как модальный, так и пропозициональный план (от отдельного терминопотребления до смысла – и даже замысла – целого раздела) положений ГК. В МР устанавливаются также интертекстуальные связи между комментируемым текстом и предтекстом (т.е. предшествующими законами), а также между комментируемым текстом и смежным текстом (т.е. нормативными текстами, дополняющими общую норму ГК, напр., Постановлениями правительства). Все эти чисто юридические, лингвоюридические и историко-правовые аспекты, подвергаясь оценке в проектируемой авторами комментария перспективе понимания нового закона, находят свое выражение в тексте МР.

Объем МКЕ может варьироваться: охватывать одно или более предложений или даже абзацев. В состав МКЕ входят в разных комбинациях следующие компоненты:

- реферерирующая ссылка на комментируемую статью ГК (т.е. на реформулируемое в тексте нормы),
- прямая цитата,

- реформулировка (с индикатором или без него)
- оценка / комментарий,
- метакоммуникативные единицы, сопровождающие другие компоненты МКЕ.

Структурная основа самой реформулировки, как правило, трехкомпонентна. В нее входят два обязательных компонента – реформулируемый и реформулирующий и один факультативный – индикатор реформулировки (его роль могут выполнять различные по статусу единицы: вводные слова, союзы, экспоненты деонтической модальности).

ПРОДУКТИВНЫЕ ВИДЫ РЕФОРМУЛИРОВОК: АНАЛИЗ ПРИМЕРОВ

В качестве наиболее продуктивных в тексте МР обнаружены следующие виды реформулировки: экземплификация, переименование, синтаксическое упрощение и развертывание, перечисление и уточнение. Названные категории являются базовыми или элементарными, в тексте МР встречаются также сочетания двух и более в составе одной МКЕ, а также переходные типы. Рассмотрим несколько сложных примеров, в которых встречаются как типичные содержательные компоненты МКЕ, так и разные виды реформулировок.

Пример 1:

Комментируемый текст: ГК, ст. 1473, пункт 2: *Фирменное наименование*

Фирменное наименование юридического лица должно содержать указание на его организационно-правовую форму и собственно наименование юридического лица, которое не может состоять только из слов, обозначающих род деятельности.

Комментирующий текст: МР, 2.3: *Фирменные наименования*
Статья 1473 ГК РФ устанавливает, в отличие от действующего законодательства, общие требования к фирменному наименованию – оно должно содержать указание на его организационно-правовую форму и собственно наименование юридического лица, которое не может состоять только из слов, обозначающих род деятельности, например, “меховая фабрика”, “строительный трест” и т.п.

Как видим, МКЕ содержит реферирующую ссылку на комментируемую статью (*статья 1473...*), историко-правовой комментарий, устанавливающие интертекстуальную связь с предтекстом (*в отличие от действующего...*), экспликацию императивной деонтической модальности (*предписание устанавливает... требования*), прямую цитату (*должно содержать указание на его организационно-правовую форму и собственно наименование юридического лица, которое не может состоять только из слов, обозначающих род деятельности*) и, наконец, экземплификацию референта, выраженного в тексте закона именами абстрактной семантики (*род деятельности*) и способного вызвать коммуникативную неудачу у адресата. Экземплификация вводится конвенциональным индикатором *например* и представляет собой открытый перечень.

Пример 2:

Комментируемый текст: ГК, ст. 1228

1. Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат.

Комментирующий текст: МР, 1.2. Автор произведения

Автором произведения может признаваться только непосредственно то физическое лицо, творческим трудом которого создано такое произведение.

МКЕ содержит по сравнению с комментируемым текстом два отличия: во-первых экспликацию индикативной ассергической деонтической модальности (настоящее вневременное заменяется на конструкцию с модальным глаголом *может* и частицей *только*) и, во-вторых, реформулировку дефинитивной нормы - переименование. Последняя реформулировка носит принципиальный характер. Авторы *Методических рекомендаций* сочли нужным заменить новый термин на общеупотребительное слово, синоним нового термина (*результат интеллектуальной деятельности* → *произведение*), несмотря на то, что терминологическая синонимия также может вести к коммуникативной неудаче в интерпретации закона (о проблемах синонимии в юридической терминологии см. Пиголкин 1990). Видимо, необходимость переименования связана с тем, что терминологическая новация *результат интеллектуальной деятельности* наряду с некоторыми другими получила негативную оценку в среде специалистов (Позиция кафедры Юнеско ВШЭ).

Пример 3:

Комментируемый текст: ГК, ст. 1465: Секрет производства (ноу-хау)

Секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны.

Комментирующий текст: МР, 4.1. Понятие и признаки ноу-хау Секретом производства (ноу-хау), согласно ст. 1465 ГК РФ, признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладатель таких сведений введен режим коммерческой тайны. Как видно из статьи 1465 ГК, в качестве секрета производства (ноу-хау) могут охраняться сведения любого характера (законодатель не дает исчерпывающего перечня сфер деятельности, в которых могут

охраняться сведения в качестве ноу-хау). Производство является одной из сфер деятельности, поэтому название такого объекта как секрет производства представляется неудачным. Название ноу-хау (*know-how*) произошло от английского «*I know how*» (я знаю как). В этом принципиальное отличие секрета производства (ноу-хау) от изобретения и полезной модели. В качестве последних могут квалифицироваться только технические решения. По сфере своего применения ноу-хау ближе к рационализаторским предложениям, к которым относятся технические, организационные и управленческие решения.

Можно выделить четыре квалифицирующих признака сведений, охраняемых в режиме ноу-хау:

1. Их действительная или потенциальная коммерческая ценность;
 2. Неизвестность (конфиденциальность) сведений в отношении третьих лиц;
 3. Отсутствие свободного доступа к сведениям на законном основании;
 4. Введение обладателем ноу-хау режима коммерческой тайны в отношении соответствующих сведений, т.е. принятие им адекватных мер для обеспечения конфиденциальности сведений.
- Таким образом, охрану сведений можно считать альтернативой патентной формы решений технического характера.

Комментирующий текст существенно превышает комментируемый текст. Кроме полной цитаты комментируемой статьи и двойной реферирующей ссылки на нее (согласно ст. 1465, как видно из статьи 1465) в МКЕ привлекают особое внимание три конститутивных компонента:

- во-первых, развернутая лингвоюридическая оценка понятия *секрет производства*: это название признается авторами МР неудачным. Отметим также, что специалисты отрасли считают спорным само включение секретов производства (ноу-хау) в перечень результатов интеллектуальной деятельности, обосновывая это тем, что имеется специальный закон о коммерческой тайне. Отметим, что такая оценка нормы более характерна для научного и аналитического видов комментария.
- во-вторых, эксплицитное перечисление квалифицирующих признаков в сочетании с синтаксическим упрощением. В тексте нормы эти признаки формулируются в сложной синтаксической конструкции с тремя придаточными предложениями и номинализациями. Реформулировка этих признаков в виде четкого номинативного перечня существенно облегчает понимание того, что в судебном разбирательстве может квалифицироваться как секрет производства;
- в третьих, реформулировка-уточнение, данная в скобках в п. 2 (*конфиденциальность*). Это уточнение дублируется ниже в развернутом виде в п. 4: *т.е. принятие им адекватных мер для обеспечения конфиденциальности сведений*.

ВЫВОДЫ

Исследованный текст *Методических рекомендаций* вполне может быть отнесен к жанру практического правового комментария не только по заявленным авторами задачам и предполагаемому адресату публикации, но и по конститутивным признакам. Вместе с тем, наличие некоторых высказанных авторами оценок критического характера сближают его с аналитическим и научно-

практическим видами. Это позволяет сделать предположение о некоторой жанровой неустойчивости, вполне объяснимой в виду наблюдаемого в настоящий момент увеличения этого рода юридической литературы, вторичной по отношению к законодательным документам, но крайне востребованной в современном российском обществе. Дальнейшее изучение этого рода юридической литературы позволит уточнить жанровую типологию.

Выделение минимальной базовой комментирующей единицы в тексте *Методических рекомендаций* позволило установить основные компоненты текста комментария. К ним относятся: реферирующая ссылка на комментируемую норму, прямая цитата из нормы, реформулировка нормы, ее оценка и/или комментариев, метакоммуникативные единицы, сопровождающие другие компоненты МКЕ

Что касается реферирующей ссылки на статью закона и сопровождающих комментариев метакоммуникативных единиц, то они оформляются с помощью конвенциональных для данного жанра речевых средств, выбор которых весьма ограничен. При сравнительном анализе текста закона и текста комментария к нему целесообразно применение данных теории реформулирования. Регулярной реформулировке подвергаются выражения деонтической модальности, терминологические новации, абстрактные и оценочные понятия, сложные синтаксические конструкции. Крайне широко представлен компонент 'прямое цитирование'. Различные типы реформулировочных актов были рассмотрены с точки зрения функциональной семантики. Наиболее широко представлены: экzemплификация, переименования, перечисление, синтаксическое упрощение и развертывание, уточнение. Их использование способствует большей понятности текста закона,

считающегося одним из самых сложных и динамически развивающихся в современном российском праве. ♣

Литература

- BHATIA, VIJAY K., JAN ENGBERG, MAURIZIO GOTTI И DOROTHEE HELLER, 2005: *Vagueness in normative texts*. Bern: Peter Lang.
- BLAKEMORE, DIANE, 2007: 'Or'-parentheticals, 'that is'-parentheticals and the pragmatics of reformulation. *Journal of Linguistics*, 43, no. 2. 311-339. Cambridge University Press.
- BUSSE, DIETRICH, 1992: *Recht als Text: linguistische Untersuchungen zur Arbeit mit Sprache in einer gesellschaftlichen Institution*. Tübingen: Niemeyer.
- ENDICOTT, TIMOTHY A.O., 2000: *Vagueness in Law*. Oxford: Oxford University Press
- FERRANTE, RICCARDO, 2009: Cultura giuridica e codificazione. *Clio@Themis*, 2, revue électronique d'histoire du droit, 2. 31.07.2011. <<http://www.cliothemis.com/Cultura-giuridica-e-codificazione>, 31.07.2011>.
- FRANZREB, ELENA, 2007: *Reformulierungsstrukturen in der russischen Sprache der Wirtschaft und des Wirtschaftsrechts*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač.
- FREIDHOF, GERD, 1993: Reformulierung als konstitutives Merkmal dialogischer und monologischer Texte. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, LIII, no. 1. 204-229.
- GARZONE, GIULIANA, 2005: La legge e i nuovi media: vaghezza nella legislazione sulla proprietà intellettuale nell'ordinamento inglese. В: *Linguistica e proprietà intellettuale*. Под ред. Marie-Christine Jullion. Milano: Franco Angeli. 63-75.
- GRIMM, ANJA, 1999: *Reformulierungen in der Sprache der Geisteswissenschaften*. München: Verlag Otto Sagner.

- GÜLICH, ELISABETH И THOMAS KOTSCHI, 1987: Reformulierungshandlungen als Mittel der Textkonstitution. Untersuchungen zu französischen Texten aus mündlicher Kommunikation. В: *Satz, Text und sprachliche Handlung*. Под ред. Wolfgang Motsch. Berlin: Akademie Verlag. 199-261.
- HYLAND, KEN, 2007: Applying a Gloss: Exemplifying and Reformulating in Academic Discourse. *Applied Linguistics*, 28: 2. 265-285.
- SAYATZ, ULRIKE, 1996: Modale Referenz in Gesetzen und Gesetzeskommentierungen. Ein textvergleichender Ansatz. В: *Ebenen der Textstruktur. Sprachliche und kommunikative Prinzipien*. Под ред. Wolfgang Motsch. Tübingen: Niemeyer. 275-300.
- WAGNER, ANNE И SOPHIE CACCIAGUIDI-FAHY, 2006: *Legal language and the search for clarity: Practice and Tools*. Bern: Peter Lang.
- БЛИЗНЕЦ, ИВАН АНАТОЛЬЕВИЧ И КОНСТАНТИН БОРИСОВИЧ ЛЕОНТЬЕВ, 2002: Понятие интеллектуальная собственность: формулировка проблемы. *Интеллектуальная собственность*, № 4: 2-10. 31.07.2011. <http://www.copyright.ru/ru/library/stati_knigi/intellectualnaya_sobstvennost/intellectualnaya_sobstvennost_pravo/?copyright=b29c071869fco05c447f2c85940b886c>.
- ГОЛЕВ, НИКОЛАЙ ДАНИЛОВИЧ, 2006: Правовая коммуникация в зеркале естественного языка. В: *Юрислингвистика 7. Русский язык как феномен правовой коммуникации*. Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 8-38.
- ДОЦЕНКО, Т.А. 2000: Сущность юридических конструкций. В: *Проблемы юридической техники*. Под ред. В.М.Баранова. Нижний Новгород. 316-322.

ИСАКОВ, В.Б. (РЕД.), 2008: *Методические рекомендации по применению положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации*. Москва.

КОБОЗЕВА, И.М., ЛАУФЕР, Н.И., 1994: Интерпретирующие речевые акты. В: *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. Отв. ред. Н.Д.Арутюнова, Н.К.Рябцева. Москва: Наука. 63-71.

КРЮКОВА, Е.А., 2000: О средствах достижения точности выражения правовых норм. *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*, № 4. 33-36.

ЛИТВИНА, МАРИЯ 2010: Писатели написали президенту. *РБК daily*, 16.12.2010.

МЕЧКОВСКАЯ, Н.Б., 2000: Законы об авторских правах: модальные операторы в диагностике коллизий и тенденций развития. В: *Логический анализ языка. Языки этики*. Под ред. Н.Д.Арутюновой, Т.Е. Янко, Н.К.Рябцевой. Москва: Языки русской культуры. 293-305.

ПИГОЛКИН, А.С. (ПОД РЕД.), 1990: *Язык закона*. Москва: Юридическая литература.

ПИЛЕНКО, А.А., 2001: *Право изобретателя. Историко-догматическое исследование*. Москва: Статут. 31.07.2011. <<http://libertarium.ru/pilenko-patent>>.

Позиция кафедры ЮНЕСКО ВШЭ по проекту четвертой части ГК РФ. 31.07.2011. <http://www.unescochair.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=80&Itemid=7>.

РОМАШОВ, Р.А. 2010: Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты. В: *Юрислингвистика 10: Лингвоконфликтология и юриспруденция*. Под ред. Н.Д. Голева. Изд-во Алт. ун-та. 52-58.

ЦАРЕВ, А.Ю., 2002: О правилах законодательной техники, используемых при написании текста закона. *Представительная власть*, № 5/6. 29-33.

ШИРИНКИНА, М.А., 2010: О некоторых параметрах интерпретационного дискурса в сфере права. В: *Юрислингвистика 10: Лингвоконфликтология и юриспруденция*. Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, Изд-во Алт. ун-та. 62-68.

Summary

The changes taking place today in Russian legislation, with all its new subtleties, raise the issue of making legal language comprehensible to the ordinary citizen. Dealing with this question largely depends on improvements in juridical procedures and making use of the best possible linguistic resources. At the same time, there are some areas of legislation where typically, on the one hand, there are profound changes in the laws themselves while on the other hand, they are governed by their relationship to this law. These areas include that of intellectual property rights, which are codified in the Russian Federation's Civil Code, Chapter IV. The wording used in the chapter in question was used as material for discussion regarding the clarity and comprehensibility of legal texts. It was found that, in its legal formulations, this document uses an excessive amount of new and borrowed terms, approximate and ethical concepts, nominalizations and complex syntactic structures, thus making it more difficult to make sense of the legislation.

In overcoming comprehension difficulties regarding new legislation a key role is played by the practical commentary which accompanies the law. Acting as a kind of text-broker, this commentary interprets and clarifies the law, thereby fostering the successful understanding of legal rights throughout the whole population. The commentary examined in the current study offer guidelines regarding recommendations for the application of provisions pursuant to Part IV of the Russian Federation Civil Code, issued by the Russian Federation Chamber of Commerce and Industry. This text is of linguistic interest in terms of its structure, core content and discourse techniques which aim to ensure that anything

that cannot be understood by the layman is “filtered out”. The methods adopted in the comparative analysis of the legal–normative text and the commentary were those employed in other works analysing the reformulation of acts in different forms and types of communication. The unit of analysis adopted was the minimum commentary unit - the main component of any commentary text. In the Guidelines the size of the unit may vary, extending over one or more sentences or even paragraphs. It is made up from various combinations of the following components: a reference to a commented-on text, a direct quote from a legal text, a reformulated norm (with or without indication) and the actual commentary itself, as well as meta-communicative devices accompanying other components of the unit which is being commented on. This article offers an analysis of some of the most productive types of reformulating techniques found in the Guidelines. These are principally: exemplification, renaming, syntactic simplification and rearrangement, enumeration and precision.

Liana Goletiani

PhD in Slavic Languages at Frankfurt Goethe University, is a Tenured Researcher in Russian Language and Translation at Università Statale di Milano, Faculty of Political Science, where she teaches in the degree programme in Linguistic and Cultural Mediation. Her publications and research are mainly concerned with pragmalinguistics and conversational analysis. She is the author of the book about communication failures in Russian and Ukrainian dialogue (Kommunikativnaja neudača v ruskom i ukrajskom dialoge, Verlag Otto Sagner 2003). Her current research interests include the investigation of public communication and legal discourse in a sociolinguistic and textlinguistic perspective.